

Книга Даниила — номер сто шестьдесят один

*Роль Рима в утверждении видения библейского пророчества:
подробное исследование одиннадцатой главы книги пророка Даниила*

Jeff Pippenger

2024-03-27

Видение одиннадцатой главы книги пророка Даниила является главным ориентиром для всех видений библейского пророчества, и видение одиннадцатой главы определяется символом Рима.

И в те времена многие восстанут против царя южного; также и мятежники из народа твоего возвысятся, чтобы утвердить видение, но падут. Даниил 11:14.

Джонс комментирует предыдущий стих следующим образом:

Когда аморреи исполнили меру своего беззакония, их место было отдано Израиллю, народу Божьему. Когда Израиль, следуя путём язычников, также наполнил чашу беззакония, Бог воздвиг царство Вавилона и всё отнял. Когда Вавилон наполнил чашу своего беззакония, власть была передана Персии. И когда ангел отвратился из-за нечестия персов, тогда вступает князь Греции и сметает её.

И как долго должна была продолжаться власть Греции? Когда ей предстояло быть сокрушенной? «Когда преступники дойдут до предела». Этот народ держится, пока не наполнит меру своего беззакония, а затем власть передается другому царству. Власть была передана Риму, как мы узнаем из Даниила 11:14. «И в те времена многие восстанут против царя южного; также грабители твоего народа вознесутся, чтобы утвердить видение; но они падут». Этот народ указан как народ грабителей — дети грабителей, как сказано на полях текста.

«Это те, кому ныне отдано царство; и для чего? — „Дети разбойников возвысятся, чтобы утвердить видение“. Когда эта нация появляется на сцене, тогда входит то, что утверждает видение, то, что является одним великим предметом видения, главной вехой в линии видения, которую Бог дал через пророков на все времена». А. Т. Джонс, «Колумбов год и значение четырех столетий», 6.

Джонс говорит, что когда римская власть «выходит на сцену, тогда появляется то, что устанавливает» ... «линию видения, которую Бог дал через пророков на все времена». В истории Миллера протестанты учили, как и сейчас учит лаодикийский адвентизм, что грабители твоего народа представляют Антиоха Епифана, селевкидского царя, правившего с 175 по 164 гг. до н. э. Он был представителем династии Селевкидов, которая была одним из греческих государств-преемников, возникших в результате распада империи Александра Македонского. Разногласие по этому вопросу было настолько конкретным в миллеритской истории, что отождествление Антиоха Епифана отражено на пионерской диаграмме 1843 года.

Упоминание об Антиохе на схеме представляет собой единственное упоминание о том, чего нет в пророческом Слове Божьем. Оно помещено там, чтобы опровергнуть ложные учения протестантов того периода, которые ныне являются ложным учением лаодикийского адвентизма. Понимал ли Уильям Миллер всю глубину важности осознания того, что Рим есть земная сила, устанавливающая «линию видения, которую Бог дал через пророков на все времена», — сомнительно; однако он понимал это достаточно ясно, чтобы убедительно отстаивать тот факт, что именно Рим устанавливает это видение.

Где нет откровения, народ гибнет; а соблюдающий закон — счастлив. Притчи 28:14.

Соломон записал, что где нет видения, народ гибнет, и еврейское слово «видение» в четырнадцатом стихе — то же, что и в притче Соломона. Видение — вопрос жизни и смерти, и это «видение» утверждается символом Рима. Слово «видение» в четырнадцатом стихе — то же слово, что и у Аввакума, во второй главе.

Встану на свою стражу и стану на башне, и буду наблюдать, чтобы увидеть, что Он скажет мне, и что я отвечу на обличение. И отвечал мне Господь и сказал: запиши видение и ясно начертай его на скрижалях, дабы читающий бежал. Ибо видение еще для назначенного времени; но в конце оно заговорит и не солжет: хотя бы и замедлило, жди его; ибо оно непременно придет, не замедлит. Аввакум 2:1–3.

Слово «*geroved*» в первом стихе означает «спорили со мной». Уильям Миллер был стражем, поставленным на башне, в истории движения первого и второго ангела, и когда, в пророческой символической, он спросил, что ему отвечать в полемике, связанной с его историей, ему было сказано записать видение, которое утверждается символом Рима. В соответствии с этим, когда миллериты создали пионерскую диаграмму 1843 года в исполнение этих трех стихов Аввакума, они указали на самую сердцевину спора, в котором участвовали. Несомненно, они не понимали, что их ссылка на нелепый аргумент о том, что Антиох Епифан был властью, утвердившей видение, представляет спор второй главы Аввакума, но сестра Уайт сказала, что та диаграмма была «направляема рукой Господа и не должна быть изменена», так что ссылка на спор на диаграмме была от Божьей руки.

Миллериты пришли к правильному пониманию того, что первое разочарование 19 апреля 1844 года положило начало времени промедления, о котором говорится у Аввакума, а также в притче Матфея о десяти девах. Они также пришли к пониманию того, что эти два пророчества непосредственно связаны с двенадцатой главой Иезекииля, где Иезекииль указывает на период времени, в который исполнится действие всякого видения. Это слово «видение» — то же самое еврейское слово, которое мы сейчас рассматриваем. Вот почему Джоунс прав, когда утверждает: «Когда» Рим «выступает на сцену, тогда входит то, что утверждает видение, то, что является одним великим предметом видения, одним главным ориентиром в линии видения, которую Бог через пророков дал на все времена». Рим утверждает всё видение пророческого Слова Божьего, и, более конкретно, именно на Риме построена вся структура одиннадцатой главы.

Когда сестра Уайт обращается к окончательному исполнению одиннадцатой главы Даниила и утверждает, что «значительная часть истории, имевшей место при исполнении этого пророчества, повторится», она тем самым указывает, что истории одиннадцатой главы, уже исполнившиеся, прообразовали заключительные стихи одиннадцатой главы книги Даниила. Предметом заключительных стихов одиннадцатой главы является царь северный, который там представляет современный Рим. Следовательно, истории одиннадцатой главы Даниила, которые повторяются, — это истории, представляющие Рим.

В последних шести стихах одиннадцатой главы современный Рим (царь севера) покоряет три географические державы. В сороковом стихе он покоряет царя юга (бывший Советский Союз в 1989 году), славную землю (Соединённые Штаты при скоро грядущем законе о воскресном дне) и Египет (весь мир, представленный Организацией Объединённых Наций). В одиннадцатой главе книги Даниила языческий Рим представлен как завоёвывающий три географические державы, чтобы подчинить весь тогда известный мир, а затем папский Рим представлен как завоёвывающий три географические державы, чтобы подчинить всю землю.

Языческий Рим впервые упоминается в этой главе в четырнадцатом стихе, чтобы обозначить его как символ, утверждающий видение, однако о его восхождении к власти речь заходит лишь в шестнадцатом стихе. Царство Александра Великого было разделено на четыре части во исполнение пророческого Слова Божьего, но эти четыре части вскоре сосредоточились в двух главных противостоящих силах, которые в пророческом повествовании, продолжающемся до конца главы, обозначены как царь юга или царь севера. В четырнадцатом стихе возрастающая мощь Рима упоминается как сила, которая утвердит видение, однако предметом рассматриваемого здесь являются борьбы между остатками царства Александра, представленными царями севера и юга.

В пятнадцатом стихе эти два царя всё ещё ведут борьбу, и северный царь одерживает верх. Но в шестнадцатом стихе появляется Рим, и там сказано: «Но тот, кто придёт против него», то есть когда Рим выступит против северного царя, который только что одерживал верх над южным царём, северный царь не сможет устоять против Рима. Рим одерживает верх, и в шестнадцатом стихе Рим также станет в славной земле Иудеи. В семнадцатом стихе Рим «обратит лицо своё, чтобы войти с силой всего своего царства». Он покорил северного царя, который не мог устоять перед ним, затем покорил Иудею, затем вошёл в Египет.

В те времена многие восстанут против царя южного; и буйные из народа твоего вознесутся, чтобы утвердить видение; но падут. И придет царь северный, и насыплет вал, и возьмет самые укрепленные города; и силы юга не устоят, ни его отборные войска, и не будет силы устоять. Но пришедший против него будет поступать по своей воле, и никто не устоит перед ним; и он станет в прекрасной земле, и она будет истреблена его рукою. И он обратит лицо свое, чтобы войти с силою всего своего царства, и прямые с ним; так он и поступит: и даст ему дочь женщин в растление; но она не устоит на его стороне и не будет за него. Даниил 11:14–17.

Завоевание, описанное в этих стихах, является исполнением восьмой главы книги Даниила.

И из одного из них вышел небольшой рог, который чрезвычайно разросся, направляясь к югу, к востоку и к прекрасной земле. Даниил 8:9.

Малый рог девятого стиха — это языческий Рим, и девятый стих, в согласии со стихами 14–17 одиннадцатой главы, указывает, что языческий Рим покорит три географические области по мере того, как он устанавливал контроль над миром. Этими областями были юг (Египет), восток (Сирия, царь севера) и прекрасная земля (Иудея). История стихов 16 и 17 является прообразом исторического трехэтапного завоевания современным Римом, описанного в стихах 40–43, ибо, как сказала сестра Уайт: «Многое из истории, произошедшей при исполнении этого пророчества, повторится».

«Хотя Египет не мог устоять перед Антиохом, царём северным, Антиох не мог устоять перед римлянами, которые теперь выступили против него. Ни одно царство уже не было в состоянии противиться этой восходящей силе. Сирия была завоёвана и присоединена к Римской империи, когда Помпей в 65 г. до н. э. лишил Антиоха Азиатика его владений и обратил Сирию в римскую провинцию.

«Та же сила должна была также утвердиться в Святой Земле и пожрать её. Рим вступил в союз с народом Божиим, иудеями, в 162 году до Р. Х., с какового времени он занимает видное место в пророческом календаре. Однако он не приобрёл власть над Иудеей посредством действительного завоевания до 63 года до Р. Х.; и произошло это следующим образом.

По возвращении Помпея из похода против Митридата, царя Понта, два соперника, Гиркан и Аристокбул, боролись за престол Иудеи. Их дело было представлено на рассмотрение Помпею, который вскоре понял несправедливость притязаний Аристокбула, но пожелал отложить решение вопроса до своего давно желанного похода в Аравию, обещая затем вернуться и уладить их дела так, как покажется справедливым и надлежащим. Аристокбул, разгадав истинные намерения Помпея, поспешил обратно в Иудею, вооружил своих подданных и приготовился к энергичной обороне, решив во что бы то ни стало удержать корону, которую, как он предвидел, присудят другому. Помпей преследовал беглеца по пятам. Подходя к Иерусалиму, Аристокбул, начав раскаиваться в своих действиях, вышел ему навстречу и попытался уладить дело, обещая полное подчинение и большие суммы денег. Помпей, приняв это предложение, послал Габиния во главе отряда солдат получить деньги. Но когда тот военачальник прибыл в Иерусалим, он обнаружил, что ворота перед ним закрыты, и ему со стен заявили, что город не намерен придерживаться соглашения.

Помпей, не желая, чтобы его таким образом безнаказанно обманывали, заковал Аристокбула, которого удерживал при себе, в кандалы и немедленно выступил против Иерусалима со всем своим войском. Сторонники Аристокбула стояли за оборону города; сторонники Гиркана — за открытие ворот. Поскольку последних было больше и они взяли верх, Помпея беспрепятственно впустили в город. Тогда приверженцы Аристокбула отступили на Храмовую гору, столь же твердо решив оборонять ее, как Помпей — овладеть ею. Через три месяца в стене была пробита брешь, достаточная для штурма, и это место было взято мечом. В последовавшей ужасной резне было убито

двенадцать тысяч человек. Это было трогательное зрелище, замечает историк: видеть, как священники, занятые в то время богослужением, спокойной рукой и твердой решимостью продолжают свое обычное служение, будто не замечая дикого смятения, хотя вокруг их друзей предавали резне и хотя нередко их собственная кровь смешивалась с кровью их жертвоприношений.

Положив конец войне, Помпей разрушил стены Иерусалима, передал несколько городов из юрисдикции Иудеи в юрисдикцию Сирии и обложил иудеев данью. Таким образом, впервые Иерусалим оказался в результате завоевания в руках той державы, которой было суждено держать «славную землю» в железной хватке, пока она не погубит эту землю окончательно.

«СТИХ 17. Он также обратит лицо свое, чтобы войти с силой всего своего царства, и правые с ним; так и поступит: и даст ему дочь жен, прельщая ее; но она не станет на его стороне и не будет за него».

Епископ Ньютон предлагает другой вариант чтения этого стиха, который, кажется, яснее выражает смысл, а именно: «Он также намерится силой войти во всё царство». Шестнадцатый стих довёл нас до завоевания Сирии и Иудеи римлянами. Рим ранее покорил Македонию и Фракию. Египет был теперь всем, что оставалось от «всего царства» Александра, не подчинённого римской власти, которая теперь намерилась силой войти в ту страну. Урайя Смит, «Даниил и Откровение», 258–260.

Мы уже не раз отмечали в этих статьях, как стихи тридцатый и тридцать первый одиннадцатой главы Даниила соотносятся со стихами сороковым и сорок первым, и история стихов тридцатого и тридцать первого также соотносится с историей искоренения трёх рогов.

Я рассматривал рога, и вот, среди них появился другой, небольшой рог, перед которым три из первых рогов были вырваны с корнем; и вот, в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие надменные слова. . . И о десяти рогах, которые были у него на голове, и о другом, который вышел и перед которым пали три; о том роге, у которого были глаза и уста, говорящие весьма надменные слова, вид которого был значительнее, чем у прочих. Даниил 7:8, 20.

Подобно тому как стих девятый восьмой главы книги Даниила представляет три географические области завоеваний, которые утвердили языческий Рим на престоле, так и вырывание с корнем рогов (представляющих герулов, остготов и вандалов) представляло три географические области завоеваний, которые утвердили папский Рим на престоле. Обе эти истории согласуются со стихами 40–43 одиннадцатой главы книги Даниила, а вырывание с корнем трех рогов согласуется с историей, описанной в стихах 30 и 31.

'СТИХ 8. Я рассматривал рога, и вот, среди них вышел еще один небольшой рог, перед которым три из первых рогов были вырваны с корнем; и вот, в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, говорящие великие слова.'

Даниил рассматривал рога. Среди них появились признаки странного движения. Среди них вырос малый рог (сначала небольшой, но впоследствии более крепкий, чем прочие). Он не удовлетворился тем, чтобы спокойно найти себе место и занять его; он должен был вытеснить некоторых из прочих и узурпировать их места. Перед ним были исторгнуты три царства. Этот малый рог, как мы будем иметь случай заметить более подробно впоследствии, был папством. Три рога, исторгнутые перед ним, — герулы, остготы и вандалы. И причина, по которой они были исторгнуты, заключалась в том, что они противостояли учению и притязаниям папской иерархии и, следовательно, верховенству в церкви епископа Рима.

«И „в этом роге были глаза, как глаза человеческие, и уста, произносящие надменные речи“, — глаза — подходящий символ расчетливости, проницательности, хитрости и предусмотрительности папской иерархии; а уста, произносящие надменные речи, — подходящий символ высокомерных притязаний римских епископов». Урия Смит, «Даниил и Откровение», 132-134.

Именно Рим утверждает видение библейского пророчества, и в особенности видение одиннадцатой главы книги Даниила. В этой главе значительная часть пророческой истории, исполнившейся до миллеритского движения, должна была повториться в последних шести стихах одиннадцатой главы Даниила. Завоевание трёх географических препятствий, утвердившее на престоле как языческий, так и папский Рим, представлено в одиннадцатой главе, и эти два представления служат прообразом того времени, когда современный Рим вновь утверждает себя на престоле. Именно Рим утверждает это видение, и Павел указывает, что папский Рим открывается в своё время.

Да не обольстит вас никто никак: ибо тот день не наступит, пока сначала не придет отступление и не откроется человек греха, сын погибели; противящийся и превозносящий себя выше всего, что называется Богом или является предметом поклонения, так что он как Бог сядет в храме Божьем, выставляя себя за Бога. Разве вы не помните, что, когда я еще был с вами, я говорил вам это? И теперь вы знаете, что удерживает его, чтобы он открылся в свое время. 2 Фессалоникийцам 2:3–6.

Папство вошло на престол как пятое царство библейского пророчества в 538 году, и многие, кто рассматривают шестой стих, без сомнения предположили бы, что Павел имеет в виду, что «папство будет раскрыто в 538 году». Это может быть верно, но, по меньшей мере, является второстепенной истиной по сравнению с тем, на что указывал Павел. Павел, как и все пророки, говорит больше о последних днях, чем о своей собственной эпохе. Он имел в виду, каким образом папство будет раскрыто в пророческом отношении, ибо как пророк он был в согласии со всеми прочими пророками. Строка за строкой; те, у кого нет видения, погибают, а у тех, у кого нет видения, его нет потому, что они не знают, что определяет видение. Понимание того, что Рим определяет видение, — вопрос жизни и смерти. Павел, в согласии с другими пророками, указывает, что то, что раскрывает папский Рим, который является Римом последних дней, — это «его время». Именно пророческое «время», связанное с Римом, раскрывает, что такое Рим и кто он.

Мы продолжим это исследование в следующей статье.

Апостол Павел во втором послании к Фессалоникийцам предсказал великое отступничество, которое приведет к установлению папской власти. Он сказал, что день Христов не наступит, «если прежде не придет отступление, и не откроется человек греха, сын погибели; который противится и превозносит себя выше всего, что называется Богом или чему поклоняются; так что он, как Бог, сядет в храме Божьем, выдавая себя за Бога». И далее апостол предупреждает братьев, что «тайна беззакония уже действует». 2 Фессалоникийцам 2:3, 4, 7. Уже в то раннее время он видел, как в церковь прокрадываются заблуждения, которые подготовят путь для развития папства.

Понемногу, сначала тайно и молча, а затем все более открыто, по мере того как возрастала ее сила и она овладевала умами людей, «тайна беззакония» вела вперед свое обманчивое и кощунственное дело. Почти незаметно обычаи язычества проникли в христианскую церковь. Дух компромисса и приспособления был на время сдержан лютыми гонениями, которые церковь терпела при язычестве. Но когда преследования прекратились и христианство вошло во дворы и дворцы царей, она отложила смиренную простоту Христа и Его апостолов ради пышности и гордыни языческих жрецов и властителей; и вместо требований Бога она заменила их человеческими теориями и преданиями. Номинальное обращение Константина в начале четвертого века вызвало великое ликование; и мир, прикрытый формой праведности, вошел в церковь. Теперь процесс развращения стремительно пошел вперед. Язычество, хотя и казалось побежденным, стало победителем. Его дух овладел церковью. Его учения, обряды и суеверия были включены в веру и поклонение людей, называвших себя последователями Христа.

«Этот компромисс между язычеством и христианством привёл к появлению „человека греха“, предсказанного в пророчестве как противящегося и превозносящего себя выше Бога. Эта гигантская система ложной религии — шедевр сатанинской силы, памятник его усилиям воссесть на престол, чтобы править землёй по своей воле». Великая борьба, 49, 50.